

УДК 94(47).084.8:355.40

А. М. Плеханов

**ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА НКВД
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(22 ИЮНЯ 1941 – 20 АПРЕЛЯ 1942 ГГ.)**

Первые месяцы войны наложили свой отпечаток на весь ее дальнейший ход. Именно в это время части Красной армии приобрели первый боевой опыт в борьбе с противником, в органах госбезопасности проведена реформа, позволившая сосредоточить в одном ведомстве борьбу с разведывательными и контрразведывательными службами не только Германии, но ее союзников. В условиях военного времени была перестроена кадровая политика, мобилизованы силы и средства на отпор врагу, определены правовое положение органов и войск Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и основные направления, формы и методы борьбы с противником, налажено взаимодействие с другими ведомствами.

При подготовке к войне против Советского Союза нацисты сделали основную ставку на свои вооруженные силы, но вместе с тем в планах гитлеровского военного командования важнейшее место отводилось спецслужбам. Для подрыва военной мощи Красной армии из общего количества вражеских агентов непосредственно в зону боевых действий в 1941 г. направлялось 55%, а в 1942 г. – 54% [1, с. 11].

В начале войны лазутчики из специальных диверсионно-разведывательных формирований абвера: «Бранденбург-800», «Нахтигаль», «Эрна» и др., проникали в армейские тылы для дезорганизации управления советских войск, захватывали мосты и военные узлы коммуникаций, деморализовали населения. Значительную помощь вермахту и абверу оказали националисты Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии. Они нападали на мелкие группы военнослужащих, милиционеров, советских и партийных работников, совершали террористические акты, сеяли панику среди населения, буквально охотились за чекистами, командирами и политработниками Красной армии.

С продвижением частей вермахта в глубь нашей территории германская и итальянская разведка перешли к упрощенным методам вербовки. Было установлено, что немецкие и итальянские разведчики в широких масштабах вербуют своих агентов среди попавших в окружении военнопленных, женщин, а также детей от 8 до 14 лет прежде всего из числа уголовно-хулиганского элемента и беспризорных. Вербовку взрослых агентов немцы закрепляли выдачей коммунистов, советских активистов и партизан, фотографированием в обществе германских офицеров и т.п. Так, задержанный агент абвера В.В. Никитин показал, что при вербовке немецкий офицер отобрал у него подписку, в которой было указано, что «в случае невыполнения данной подписки мои родственники будут расстреляны и в случае поимки меня – буду расстрелян и я» [2, с. 434].

В связи со значительными потерями квалифицированных агентов и недостаточно эффективной работой массовой агентуры, немецкая разведка уделила большее внимание качественному отбору вербуемых элементов и их подготовке. Возросла численность школ и на оккупированной территории. Если здесь в 1941 г. действовало 13 школ, в которых к концу года обучалось свыше 5 тыс. человек, то уже в мае 1942 г. органами абвера дополнительно было организовано 16 разведывательно-диверсионных школ, в которых в течение 1942 г. обучалось свыше 10 тыс. человек [3, с. 478].

К концу июня 1941 г. спецслужбам Германии и ее союзников противостояли отделы 3-х управлений НКО и НКВМФ СССР, 3-ий отдел НКВД СССР, территориальные органы НКГБ и НКВД. В частях и соединениях Действующей армии они были нацелены на: выявление агентуры противника как непосредственно в войска, так и в зоне боевых действий; розыск шпионов, диверсантов и террористов; борьбу с изменниками, дезертирами, паникерами и распространителями провокационных слухов; оказание помощи военному командованию и политическим органам в охране секретов и укреплении боевой готовности частей и соединений.

В организации борьбы с противником особое значение для военной контрразведки имела совместная директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 29 июня 1941г., определившая основные задачи всех партийно-государственных органов в условиях войны. Каждый наркомат издал руководящие указания о действиях своих сотрудников. Они, как правило, носили

общий характер и не учитывали реальной обстановки на фронте. Но с первых недель была начата разработка единой системы борьбы с подрывной деятельностью немецко-нацистских разведывательных органов. Она включала оперативные, заградительные и профилактические и другие мероприятия.

После тяжелых потерь в приграничном сражении политическое руководство Советского Союза предприняло срочные меры по перестройке работы государственных и общественных организаций в условиях военного времени. Органы военной контрразведки также подверглись коренному реформированию. Этот процесс продолжался и в дальнейшем, но особенно он был болезненным в начале войны. Отступление армий, утрата военным командованием управления войсками, непредсказуемость развития событий, окружения, большие людские потери, дезорганизация агентурно-осведомительной работы, а нередко и неразбериха, не давали возможности контрразведчикам сосредоточиться на решении главных задач.

Новая реорганизация началась 17 июля 1941 г. В этот день И.В. Сталин подписал постановление ГКО № 187сс:

«1. Преобразовать органы Третьего управления как в Действующей армии, так и в военных округах (от отделений в дивизиях и выше) в особые отделы, а Третье управление – в Управление особых отделов.

2. Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе.

4. Дать особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД...» [4, с. 337–338].

20 июля 1941 г. последовала новая реформа советских органов безопасности. Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР во главе с Л.П. Берией [4, с. 366].

С началом войны была перестроена кадровая политика. Потребность в квалифицированных кадрах диктовалась многими причинами, в том числе и расширением объема работы НКО, НКГБ и НКВД СССР. В результате чисток и репрессий, особенно фальсифицированного «заговора в НКВД» в 1930-х гг., были потеряны ценнейшие агентурные позиции, необходимые для обеспечения безопасности страны. Ущерб, который понесли органы госбезопасности после «Большого террора» и «чистки» кадрового аппарата, был несравним с ущербом, нанесенным спецслужбами зарубежных государств. В ходе войны были значительными потери военных контрразведчиков. Только с 22 июня 1941 по 1 марта 1943 г., за 2 года и 9 месяцев в боях с врагом погибло 3727 армейских чекистов, пропало без вести 3092, ранено – 3520 [5, с. 154]. Все это требовало пополнения личного состава особых отделов. Поэтому была расширена сеть учебных заведений, в ОО НКВД направлены сотрудники территориальных органов, выпускники военных училищ, особисты, вышедшие из окружения, ветераны и др. Только из территориальных и транспортных органов госбезопасности прибыло около 20 тыс. оперативных работников, из них в особый отдел Ленинградского фронта 1,5 тыс. человек [6, с. 366].

Для подготовки и переподготовки военных чекистов была развернута сеть курсов, школ, обучение в которых проводилось в максимально сжатые сроки. При этом значительное внимание уделялось воспитанию чекистов. Решение этой задачи усложнялось отсутствием необходимого времени, частыми изменениями в личном составе подразделений, отсутствием необходимого опыта. Хотя основные задачи решались партийно-политическим аппаратом, командирами и комиссарами, партийными и комсомольскими организациями, в стороне не оставались и руководители спецслужб, отделов и управлений. Решительно пресекались противоправные действия, в том числе и крайними мерами. Так, 10 июля 1941 г. заместитель наркома И.А. Серов подписал приказ о привлечении к ответственности шести сотрудников органов НКГБ, которые «во время военных действий проявили недопустимую для чекиста трусость и, бросив исполнение служебных обязанностей, выехали в тыл» [7, с. 107].

В борьбе со спецслужбами Германии и ее союзников, а также с антисоветскими элементами внутри страны в условиях военного времени

совершенствовались силы и средства, прежде всего агентурно-осведомительный аппарат.

Исходя из сложившейся военно-политической и оперативной обстановки, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли практические меры по определению правового положения военной контрразведки. Основные принципы ее деятельности были сформулированы в ряде постановлений партийно-советского руководства, приказах и директивах НКО, НКГБ и НКВД.

Следует иметь в виду, что накануне войны НКВД и НКГБ СССР имели необходимые права, в том числе судебные и внесудебные полномочия. Но начавшаяся война, жесточайшее противоборство внесли свои коррективы в деятельность всех государственных структур, сотрудники которых начали работать в чрезвычайных условиях растерянности, потери управления и отсутствия четких указаний по важнейшим вопросам судебной и внесудебной политики. И ведомственные подзаконные акты НКВД нередко вступали в противоречие с конституционными нормами. Недостатки в законоприменительной практике, произвольное толкование норм права негативно отражалось на оперативно-следственной работе, вело к деформированному восприятию оперативной обстановки руководящим и оперативным составом, что создавало почву для различных фальсификаций.

Надзор за деятельностью судебных органов и органов госбезопасности осуществляла военная прокуратура. Но следует иметь в виду, что ее надзор не был эффективным, так как проводился от случая к случаю, и с ним не очень-то считались. Над решениями прокуроров довлело сознание ужесточения репрессивных мер к различного рода военным преступлениям.

Основными направлениями деятельности военной контрразведки НКВД в начале войны были: информация высшего политического руководства и командования Красной армии, борьба со шпионажем, дезертирством и изменой Родине, охрана тыла действующей армии, поддержание режима секретности и сохранности военной тайны, с распространителями ложных слухов и враждебных листовок, ликвидация антисоветских организаций и зафронтальная работа.

Одной из важнейших задач, возложенных на органы госбезопасности, стало систематическое информирование советского руководства и военного командования Красной армии. Собираемые спецслужбой, преиму-

щественно негативные сведения, предназначенные для узкого круга партийных и советских руководителей, отражали реальное положение дел, что исключало возможность обмана, потому что она была всеобъемлющей и давала четкое представление о происходивших событиях на различных участках фронтов и в тылу.

Наступивший в первые дни войны короткий, но очень болезненно воспринятый информационный вакуум, кардинально повлиял на характер и дальнейшее ее развитие. «Приходилось, – писал Г.К. Жуков, – предположительно определять развитие событий, но такой метод, как известно, не гарантирует от ошибок» [8, с. 42].

И военной контрразведке НКО, НКГБ и НКВД СССР пришлось приложить немало усилий для выяснения истинного положения на фронтах. Своевременная и точная оперативная информация в военное время приобретала важное значение, потому что от этого зависели пресечение вражеской деятельности антисоветских элементов и устранение всех недочетов в обеспечении боевой деятельности частей и соединений Красной армии. Поэтому только по линии НКГБ 22 и 24 июня, 1, 4 и 5 июля были изданы директивы, определившие задачи по сбору сведений военного характера [9, с. 250].

Руководство военной контрразведки приложило немало усилий для того, чтобы информация давала полный анализ обстановки на том или ином участке фронта, в частях и соединениях Красной армии; носила предупредительный характер; предназначалась для глубокого изучения причин негативных явлений; была целеустремленной и конкретной и не допускала искажения фактов и очковтирательства.

Качеству и своевременной информации важнейшее значение придавал ГКО и лично И.В. Сталин. Так, внимательно изучив сообщения об обороне Ленинграда, 17 сентября 1941 г. он заявил Г.И. Кулику: «Вы вчера обманули меня дважды. Насчет моста у станции Свирь. Скажите, наконец, у кого мост? У врага или у нас? Желаете ли ликвидировать проволоку у моста или предпочитаете оставить врагу? Кто Вы, наконец, друг или недруг?». 1 декабря И.В. Сталин и В.М. Молотов выразили недовольство поведением А.А. Жданова, который «не чувствует потребности придти к аппарату и потребовать кого-либо из нас для взаимной информации в столь

трудную минуту для Ленинграда. Если бы мы, москвичи, не вызывали вас и к аппарату, пожалуй, тов. Жданов забыл бы о Москве и москвичах, которые могли бы подать помощь Ленинграду. Можно полагать, что Ленинград во главе с тов. Ждановым находится не в СССР, а где-то на острове в Тихом океане. Сообщите, чем вы заняты, как у вас дела и как Вы думаете выбираться из нынешнего положения?» [10, л. 12].

Одной из важнейших задач советской военной контрразведки с первых дней Великой Отечественной войны стала борьба с паникерством, трусостью, дезертирством и изменой Родине.

Первая директива № 34794, направленная центральным аппаратом военной контрразведки НКО СССР 22 июня 1941 г., потребовала немедленно форсировать работу по созданию резидентур, активизировать разработку подучетного элемента, предотвращать дезертирство, измену Родине, распространение антисоветских листовок, провокационных слухов; направить агентурно-осведомительную сеть на вскрытие недочетов, отрицательно влияющих на выполнение задач, поставленных перед войсками, немедленно через командование ликвидировать выявленные недочеты и пр. [4, с. 37–38].

Военным контрразведчикам порой сложно было различить, кто сдался, то есть добровольно перешел на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто попал в плен, либо будучи в безнадежном состоянии – без оружия, без снарядов и патронов, раненным или контуженным, либо по трагическому стечению других обстоятельств: будучи окруженным перед вооруженным врагом. Но следует иметь в виду, что под категорию дезертиров часто попадали отставшие от своих частей, пропавшие без вести, сдавшиеся и захваченные в плен.

Борьба особистов с предателями Родины и дезертирами на фронтах велась по четырем основным направлениям: информирование командования о состоянии дисциплины в частях; профилактическая работа по недопущению случаев измены Родине и дезертирства; оперативные мероприятия по обнаружению намерений военнослужащих покинуть свою часть; организация заградительной службы.

16 августа 1941 г. председатель ГКО И.В. Сталин, его заместитель В.М. Молотов, маршалы С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников и генерал армии Г.К. Жуков подписали приказ

Ставки ВГК № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В приказе подчеркивалось, что «если начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, уничтожать их всеми средствами» [4, с. 482–486]. Данному приказу до сегодняшнего дня даются разные оценки: от положительных до отрицательных. Можно согласиться с Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским, который считал приказ поспешно подготовленным, без учета реальной обстановки и действий командиров и военачальников [11, с. 73–74].

Спецификой карательной политики в борьбе с дезертирами и изменниками Родины было применение чрезвычайных мер в отношении их родственников. На наш взгляд, даже в условиях военного времени круговая порука вряд ли были оправданной мерой. Тем не менее, она широко применялись. Но, несомненно, больше пользы приносила оперативная работа и профилактические действия сотрудников особых отделов.

С 22 июня по 20 декабря 1941 г. органами НКВД по подозрению в дезертирстве и измене Родине было задержано в тыловых районах и прифронтовой полосе 638 112 человек. Из них арестовано 82 865, передано в военкоматы и войсковые части – 555 247 человек [12, с. 262].

И все же, при анализе причин дезертирства, нельзя не учитывать того, что абсолютное большинство советских воинов покидало поле боя не из желания не воевать, а в силу неорганизованности, неразберихи, беспечности и нераспорядительности командиров. А мероприятия военной контрразведки способствовали укреплению политико-морального состояния личного состава РККА и РККФ, повышению боевой готовности частей и соединений советских войск и в конечном счете сохранению в бою многих тысяч жизней красноармейцев и командиров.

Существенную роль в разоблачении агентуры противника сыграла проводимая особыми отелами фильтрация советских военнослужащих, выходивших из окружения или бежавших из нацистского плена.

Учитывая сложное положение в прифронтовой полосе и, прежде всего незащищенность тыла частей и соединений Красной армии, по постановлению СНК СССР от 25 июня 1941 г за № 1756-762сс на пограничные войска НКВД была возложена охрана войскового тыла фронтов Действующей Красной армии для наведения и поддержания порядка, ловля де-

зертников, очистка путей сообщения, регулирование подвоза и эвакуации, обеспечение бесперебойной связи и ликвидация диверсантов.

21 октября 1941 г. Ставка ВГК приказом Жукова в каждой стрелковой дивизии Красной армии также были созданы заградительные отряды из расчета по одной роте на полк. Они должны были не допускать бегства с поля боя «одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия» [13, с. 385].

В единой системе мер имела заградительная служба. Она не была чем-то новым в защите тыла воюющей армии и существовала во многих армиях с давних времен: в войнах, которые вели войска Македонского, Чингисхана, Наполеона. Была она и в Российской императорской армии. Например, во время Первой мировой войны. В июне 1915 г. по 8-й армии генерал от кавалерии А.А. Брусиллов издал приказ: «...по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и орудийный огонь, на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом...Слабодушным нет места между нами, и они должны быть истреблены!» [14, с. 202].

Создавать заградительную службу в Красной армии фактически пришлось с нуля. В тактике охраны тыла против диверсионно-разведывательных групп противника ведущую роль играла заградительная служба по принципу охраны государственной границы. Она включала КПП, заградотряды войск НКВД и оперативные заслоны особых отделов.

13 марта 1942 г. Абакумов предложил «мобилизовать агентурную сеть на выявление подозрительного элемента, появляющегося в прифронтовой полосе; усилить тщательную проверку документов у всех подозрительных лиц как вблизи фронта, так и в тылу частей Красной армии, обращая особое внимание на их подлинность; проверять вызывающие подозрения отдельные подразделения, передвигающиеся в расположении частей Красной армии в пешем порядке или на лошадях, обыскивать и задерживать до выяснения» [15, с. 256–257].

Результаты службы частей по охране войскового тыла фронтов на 1 января 1942 г., по неполным данным, составили: задержанных военнослужащих, отставших и потерявших свои части – 562 856 чел., находившихся в плену у противника – 19 847, уклонившихся от службы в Красной армии –

82 089, мародеров – 246, бежавши со строительства оборонительных сооружений – 4260, лиц без документов и прочих – 16 322 чел. [15, с. 170].

В условиях отступления и оборонительных сражений, перестройки всей работы советские органы военной контрразведки основные усилия сосредоточили на разоблачении агентов абвера, которые занимались шпионажем, вели подрывной деятельности и разложение личного состава Красной армии и флота. Повышенный интерес абвер проявлял к штабам, всей системе военного управления, к госпиталям и тыловым частям и учреждениям, где зачастую царил преступная беспечность и не было критического отношения к подбору кадров, особенно его вольнонаемной части.

Анализ документов 1941–1942 гг. свидетельствует о том, что руководство ОО НКВД приняло решительные меры в борьбе со шпионажем: усилена проверка личного состав частей и учреждений, прежде всего вольнонаемного состава; при помощи командования очищен тыл от лиц, не внушавших доверия; прием на работу вольнонаемного состава стал производиться только с санкции особых отделов; улучшена информация по отдельным фактам для постановки вопросов перед Военными советами фронтов и др. меры.

В разоблачении шпионов значительный вклад внесла радио-контрразведывательная служба, которая постоянно контролировала работу вражеских радиостанций, в ряде случаев расшифровывала коды, определяла районы, откуда вражеские агенты вели радиопередачи. Специальные оперативные группы вели розыск диверсионных групп и агентов [15, с. 64].

Приказы НКО, НКГБ и НКВД а затем и Управления ОО НКВД СССР обращали внимание командования и сотрудников на охрану шифров, «совершенно исключив возможность попадания их в руки противника». Однако такие случаи были нередкими. Так противнику удалось захватить шифровальные документы 11 и 13-й армий. Основной причиной данного явления были беспечность и недисциплинированность военнослужащих, недооценка важности шифровальной работы в Красной армии. Не случайно генерал-фельдмаршал Федор фон Бок в «Дневниках 1939–1945)», выпущенных в Смоленске издательством «Русичи», на стр. 259 писал: «Весьма радует, что русские не считают необходимым зашифровывать львиную долю своих радиосообщений...» [16, с. 259]. Сохранению военной тайны мешали многочисленные нарушения скрытого управления войсками, выра-

жавшиеся в несоблюдении режима секретности. И речь идет не о примитивной секретности, когда все «карандаши», «огурцы», «спичечные коробки» наверняка вызвали здоровый смех у немецких радистов, прослушивавших переговоры советских командиров. Немцы по голосу, говору и фамилиям телефонистов легко узнавали новые и старые названия, а, следовательно, и тех, кого они обслуживали [17, с. 86]. В большей мере нарушение скрытого управления частями и соединениями выразилось в отдаче распоряжений в переговорах по телефону, открытым текстом по телегафу и радио. Поэтому начальникам ОО НКВД армий было предложено самым решительным образом добиваться через командование запрещения открытых передач, дающих противнику сведения о действиях, расположении и передвижении частей Красной армии, а также о местонахождении складов и баз. 23 июля 1941 г. И.В. Сталин и Г.К. Жуков подписали приказ «Об улучшении работы связи в Красной армии». В нем отмечалось, что опыт войны показал зависимость неудовлетворительного управления войсками от плохой организации работы связи, и, в первую очередь, игнорирования радиосвязи, как наиболее надежной формы связи [18, л. 40–41].

Когда речь идет о сохранении военной тайны, то следует иметь в виду, что на особом контроле у сотрудников военной контрразведки было обеспечение охраны реактивных систем (боевых машин БМ-13 («Катюш») системы Костикова), данных о танке Т-34. Появление их на поле боя стало для немцев полной неожиданностью. Генерал Гюнтер Блюментрит, участник битвы за Москву, писал: «В районе Вереи танки Т-34, как ни в чем не бывало, прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал это факт на моральное состояние пехоты. Началась так называемая «танкобоязнь» [19, с. 93–94].

Благодаря усилиям ОО НКВД только Западного фронта с 22 июня по 28 декабря 1941 г. были арестованы и разоблачены 505 агентов немецкой разведки [2, с. 480]. Следует иметь в виду, что многие немецкие агенты не желали выполнять задания абвера. Только в марте-апреле 1942 г. из заброшенных в глубокий тыл Советского Союза агентов 30,3% сдались добровольно [7, с. 102].

По мере ухудшения положения дел на фронте, физической и психологической усталости населения активизировались «социально-чуждые

элементы» и часть служащих, рабочих и колхозников. Стала проявляться тенденция к объединению и стремление к установлению контактов с наступающими частями вермахта и с забрасываемой агентурой спецслужб противника. Усилилось распространение провокационной устной антисоветской агитации, вражеских листовок. Важнейшей задачей по стабилизации политического положения и оперативной обстановки в стране была ликвидация различных антисоветских организаций и групп в частях Красной армии и прифронтовой полосе. Поэтому борьба особых отделов с враждебными элементами приобрела особую актуальность на начальном этапе войны. Характерной ее особенностью было то, что в условиях войны часто к числу «антисоветских элементов» относили не только военнослужащих и гражданских лиц из бывших кулаков, добровольцев белой армии, церковников, членов революционно-демократических партий, исключенных из ВЛКСМ и ВКП (б), но и тех, кто объективно критиковал руководство страны или командование Красной армии, высказывал сомнения в победе над фашистами. Поэтому не всегда меры военной контрразведки являлись адекватными самим поступкам военнослужащих.

30 августа 1941 г. Берия приказал взять под наблюдение лиц, интересовавшихся фашистскими листовками, содержащими призыв к измене; через партийные и комсомольские организации и органы Политуправления усилить сбор и уничтожение сбрасываемых фашистами листовок, не допуская, чтобы они попали в руки бойцов; тех же, кто проявляет изменческие намерения и у кого окажутся спрятанными листовки, служащие пропуском для перехода к врагу, немедленно арестовывать, каждый случай измены тщательно расследовать, выявляя сообщников и укрывателей, устанавливать виновность оперативного состава в ослаблении агентурной работы [4, с. 555].

Одним из важнейших направлений оперативной деятельности военной контрразведки НКВД на начальном этапе войны была зафронтовая работа. Чем дальше отступала Красная армия от государственной границы, тем более актуальной она становилась. В директиве от 26 августа 1941 г. прямо указывалось, что среди других функции органов 3 Управления НКО СССР является и функция «работы на территории противника», прежде всего для ведения разведки, содействия выходу из окружения частей Крас-

ной армии и оказания помощи партизанскому движению. Так, 30 июня 1941 г. для розыска корпусов дивизий Западного фронте, которые остались в тылу противника, было послано 10 разведывательных групп в составе 7 оперативных работников, каждая с задачей разыскать потерянные части, установить с ними нормальную связь и вывести в тыл [4, с. 189].

Для подавления все возрастающего сопротивления населения в борьбе с оккупационным режимом нацисты бросили на подавление народного сопротивления части вермахта, спецслужбы и своих пособников. В этих условиях ОО НКВД фронтов с учетом оперативной обстановки развернули разведывательно-диверсионную работу, оказывали всемерную помощь партийному подполью и партизанскому движению. При активной помощи сотрудников ОО в конце июня-июле 1941 г. только в Ленинградской области было сформировано и направлено в тыл врага 6 партизанских полков, 30 отрядов и групп общей численностью около 4800 человек [20, с. 421].

Следовательно, в трагические и героические первые месяцы Великой Отечественной войны сотрудники особых отделов находились как при штабах фронтов, армий, корпусов, дивизий и полков, так и в первых эшелонах наступавших и оборонявшихся войск. Они действовали в чрезвычайных условиях ожесточенных оборонительных боев, отступающей армии, паники, растерянности, потери управления войсками. Наряду с решением чисто «чекистских задач», они выполняли многие обязанности, не имевшие прямого отношения к оперативной работе и отвлекавшие значительные силы и средства. Тем не менее, советская военная контрразведка успешно противостояла спецслужбам Германии, защищая части и подразделения Красной армии от происков противника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Коровин В.В.** Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003.
2. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000.
3. 1941 г. Сб. документов. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2011.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000.
5. **Надтачаев В.Н.** Военная контрразведка Белоруссии: Судьбы, трагедии, победы... Минск: Кавалер, 2008.

6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Том шестой. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 2013.
7. **Демидов А.М.** Деятельность территориальных органов госбезопасности в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах). – Бишкек, 2007.
8. **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. Новое, доп. изд. В трех томах. Т. 2. – М., 1990.
9. **Максимов А.Б.** Разведка Великой Отечественной. Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности. – М., 2010.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 487.
11. **Рокоссовский К.К.** Солдатский долг. – М., 1968.
12. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М., 2011.
13. **Петров Б.Н.** 1941: Работа над ошибками. От летней катастрофы до «чуда под Москвой». – М., 2012.
14. **Яковлев Н.** 1 августа 1914. Изд. третье. Дополненное. – М. 1993.
15. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. «Крушение «Блицкрига». (1 января-30 июня 1942 года). – М., 2003.
16. **Бок Ф.** Я стоял у ворот Москвы. Военный дневник командующего группой армий «Центр». – М., 2011.
17. Великая Отечественная катастрофа 1941 год // Причины трагедии. /А. Исаев, В. Бешанов, В. Гончаров и др. – М., 2007.
18. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 495.
19. Роковые решения. Пер с англ. – М. 1958.
20. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2008.